

МИХАИЛ АНИПКИН

ПАРТРАБОТНИК

16+

Михаил Анишкин
Партработник

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Анипкин М. А.

Партработник / М. А. Анипкин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99473-7

Эта книга - профессиональная биография советского партработника, Александра Анипкина, написанная сыном-социологом. Автор оригинально развивает теорию поколений, рассматривая кризис в КПСС и перестройку как реакцию на отсутствие поколенческого обновления в руководящих структурах партии в 1970-е годы. Особое внимание уделено процессам перестройки, в центре которых находился герой книги в качестве первого секретаря Волгоградского горкома, затем обкома КПСС, члена ЦК КПСС и народного депутата РСФСР 1990-1993 гг.

ISBN 978-5-532-99473-7

© Анипкин М. А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Перестройка – революция сорокалетних или «бунт вторых секретарей»	14
Интервью Валерия Степнова	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Анипкин

Партработник

Предисловие

Этой книгой об отце я хочу рассказать то, о чем до сих пор сравнительно мало известно – о жизни партийного работника последних тридцати лет существования СССР до самого его распада и запрета КПСС. Конкретно о представителе нового тогда поколения партийных руководителей, родившихся в конце 1930-х – начале 1940-х годов, – партработников поколения «шестидесятников». Да, и в партийных органах были свои «шестидесятники». Это своего рода биографическое исследование и кейс-стади одновременно, говоря социологическим языком. Я здесь не только социолог, фиксирующий нарратив и анализирующий документы конкретного случая, а еще и сын своего отца, о котором пишу.

Индивидуальные биографии помогают понять смысл, динамику и масштаб общественных изменений, поэтому социологи их используют для лучшего понимания переломных этапов в жизни общества. Именно поэтому основное внимание книги уделено перестройке, истории которой написана и моим отцом, поскольку он принимал в ней самое активное участие не только как партийный секретарь и член ЦК КПСС, но и как народный депутат РСФСР, избранный по Волгоградскому территориальному избирательному округу в ходе жесткой конкуренции в марте 1990 года.

Со времен перестройки сформировался многократно высмеянный гротескный образ типичного партаппаратчика. Истуканы, развезжающие на своих черных «Волгах». Погрязшие в «привилегиях» высокомерные функционеры. «Живущие своим мирком, я бы даже сказал райком», – так шутили КВН-щики в конце 80-х. То, что этот образ далеко не всегда соответствовал действительности, а часто вообще никак ей не соответствовал, многие уже забыли, хотя возможно и вовсе не знали – внутренняя кухня партийного аппарата была хорошо скрыта от посторонних глаз. До сих пор не находятся в открытом доступе стенограммы пленумов некоторых обкомов с конца 1980-х годов по 1991 год – на них пока распространяется режим секретности.

Папа родился 22 июня 1940 года в хуторе Верхне-Соинском Урюпинского района Сталинградской области в крестьянской семье и прошел все ступени партийной работы, начав еще с комсомола. Его отец, мой дедушка Михаил Григорьевич Анипкин, до и после войны был лесником, что и определило папин выбор вуза – Воронежский лесотехнический институт, где он получил диплом инженера лесного хозяйства в 1963 году. Еще в студенчестве его пригласили на работу в комсомол, откуда в 1967 году он ушел с должности второго секретаря Волгоградского обкома комсомола в Высшую партийную школу при ЦК КПСС в Москве.

Папа и его сестра тётя Вера (в центре) с родителями (Михаил Григорьевич и Галина Викторовна Анишкины). (Эта фотография, как и все без исключения в этой книге, взяты из личного архива автора).

Папа – второй секретарь Волгоградского обкома ВЛКСМ, середина 1960-х годов (первый слева).

Папа во время учебы в Высшей партийной школе при ЦК КПСС в Москве, 1967-1969 гг. Слева направо: мама (Лидия Владимировна Анипкина), сестра Таня и папа.

По окончании с отличием ВПШ его в 1969 году направили работать вторым секретарем Даниловского райкома КПСС Волгоградской области, где в 1972 году родился и я. В 1973 году папу избрали первым секретарем Урюпинского горкома партии в той же области, где он проработал на этой должности целых 12 лет – классика брежневского «застоя», когда практически не было никакого движения кадров.

Папа, как и другие молодые партработники по всей стране, к началу 80-х давно «пересидел» свою должность и при нормальной смене поколений его возрастная когорта должна была войти в руководство страной еще в конце 70-х – начале 80-х годов. Перестройка открыла возможность дальнейшего карьерного роста еще сравнительно молодым партийным руководителям, которые до тех пор сидели хоть и на важных, но уже не отвечающих их опыту и способностям должностях.

Отец в 1985 году стал секретарем Волгоградского обкома по идеологии, в 1988 году – первым секретарем Волгоградского горкома КПСС. Зимой 1990 года в области свершилась «февральская революция»: в результате публикаций в газете «Правда» и журнале «Огонек», а также под давлением людей, вышедших на улицы, в отставку ушло все бюро Волгоградского обкома во главе с первым секретарем В.И. Калашниковым. Волгоградские события отражали общую тенденцию смены поколений в партийном руководстве по всему Союзу.

В марте папа был избран первым секретарем Волгоградского обкома КПСС впервые в истории СССР не на организационном пленуме, а на партийной конференции при прямой трансляции по областному телевидению и радио. Одним из пяти его конкурентов тогда был И.П. Рыбкин, которого избрали вторым секретарем. В том же году на XXVIII съезде папа был избран членом ЦК КПСС. За какие-то пять лет он проделал путь, который в обычное время занимает десятилетия. Но в перестроечное время год шел за два, а то и за пять лет.

Удостоверение, подписанное управляющим делами ЦК КПСС Н.Е.Кручиной.

В то время оказались востребованными партийные лидеры, свободно умевшие выходить к людям и в то же время руководить аппаратом, заниматься каждодневной рутинной работой. Отец как раз был таким человеком. Он так и не превратился в классического чиновника – терпеть не мог этот типаж. Пришел, как говорится, его звездный час. Некоторые коллеги по партии тогда начали его упрекать в популизме, то есть в готовности открыто выступать и отстаивать свои идеи, спорить и избираться при колоссальной конкуренции. Сейчас понятно, что все эти обви-

нения были обусловлены завистью тех коллег, которые без огромного аппарата вокруг себя шага не могли шагнуть. Этот типаж партийного работника в перестроечное время вызывал отторжение.

4 марта 1990 года состоялись выборы народных депутатов РСФСР. Отец был избран народным депутатом в конкуренции со многими известными в то время в Волгограде «демократами». Например, он тогда уверенно обошел Игоря Лукашева. В 1990 году это было уже экзотикой – когда люди с воодушевлением шли голосовать за первого секретаря обкома. Во втором туре отец получил 53%, а его конкурент Игорь Лукашев – 40,5%.

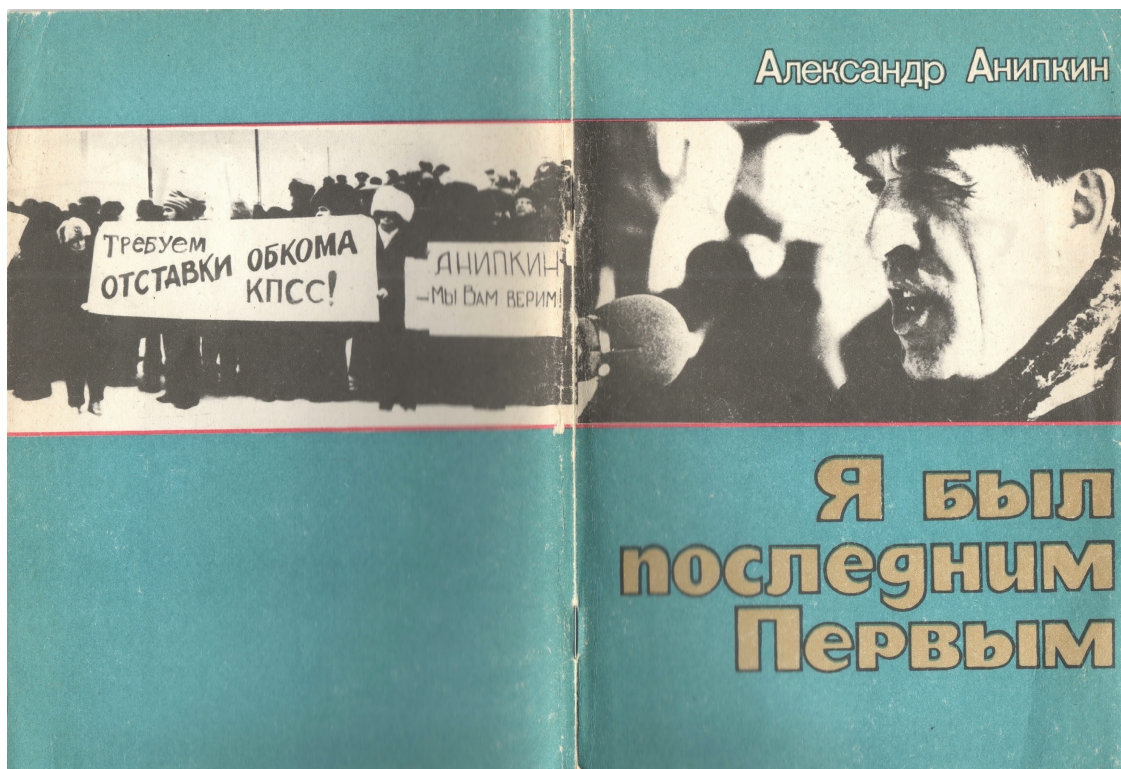
На XXVIII съезде КПСС группа первых секретарей обкомов из Сибири предлагала выдвинуть папу на пост заместителя генерального секретаря (тогда ввели новую должность), но отец категорически запретил им дальше развивать эту тему. «Ну и зря ты отказался», – прокомментировал я тогда. Папа мне сказал, что М.С. Горбачев принял решение сделать замом Ивашко (первого секретаря ЦК Компартии Украины) и было глупо идти – предлагать себя. В августе 1991 года с запретом КПСС папа в одночасье потерял работу и свой заслуженный высокий статус. После Указа Б.Н. Ельцина № 1400 и расстрела Белого дома он перестал быть и депутатом Верховного Совета.

После всего этого папа попытался избраться в Волгоградский областной совет, но не смог. К зюгановской КПрФ отец относился скептически и на выборы шел как независимый кандидат. Область в то время уже закрепила за собой образ «красного пояса», и А.В.Апарина, ставшая первым секретарем Волгоградского обкома КПрФ, тогда все силы приложила чтобы отца не избрали в областной парламент.

В 1996 году при поддержке тогдашнего губернатора области И.П. Шабунина папа организовал Фонд поддержки индивидуального жилищного строительства на селе – один из первых в стране ипотечных фондов (по примеру Белгородской области), директором которого работал до 2010 года. Кстати, под другим названием, этот фонд по-прежнему существует и вполне успешно функционирует. Умер папа 26 февраля 2014 года в Волгограде, где и похоронен...

Эта книга написана в контексте социологии поколений. Именно такой подход, на мой взгляд, позволяет не только адекватно представить папину биографию, но и предложить не совсем стандартную оптику для общего анализа того, что произошло с СССР в последние три десятилетия его существования. Я рассматриваю перестройку как своего рода «бунт» сорокалетних, а причины кризиса в партии и стране – в отсутствии поколенческого обновления в руководящих структурах КПСС в 1970-е и начале 1980-х годов. Папина биография как нельзя более красноречиво иллюстрирует правомерность такого подхода. Для подтверждения своих выводов я использую папины воспоминания, над которыми он работал сразу после событий августа 1991 года, и которые издал по «горячим следам» в ноябре того же года. Кстати, их название («Я был последним «Первым») придумал я.¹

¹ А. Анипкин. Я был последним первым. – Волгоград, «Ведо». 1991.

Обложка книги воспоминаний. Ноябрь 1991 год.

Помимо этого, я опираюсь на архивные материалы, многочисленные публикации в газетах того времени, на папины статьи и интервью, а также на прямые эфиры с ним как по областному, так и по центральному ТВ, которые я записывал на видеомagneтофон с телевизора в момент трансляции. Сейчас все эти записи доступны в интернете, поскольку я оцифровал и выложил их на своей странице в YouTube.²

Используемая мной поколенческая матрица кому-то из читателей и коллег-социологов, возможно, покажется слишком экстравагантной, но я, честно говоря, не вижу, чем она хуже, например, того же экономического детерминизма, объясняющего кризис и крушение СССР истощением его экономического механизма. Каждая методология выделяет строго определенный аспект явления или процесса, поэтому в общественных дисциплинах мы используем многообразие теоретических схем для более объемной интерпретации социально-политических процессов. В данном случае я делаю акцент на поколенческой интерпретации.

В этой книге я определяю поколение в категориях Карла Маннгейма – то есть скорее не как демографическую принадлежность, а как ценностную. Как людей, объединенных не столько возрастом, сколько общностью ценностей и пережитого совместного исторического опыта. Разумеется, в каждом поколении есть разные люди, поэтому в социологии поколений речь идет о своего рода «модальном типе», определяющем антропологический портрет поколения, которое пытается реализовать свою поколенческую программу. Я предлагаю рассматривать процессы, происходившие в КПСС в 1970-е-80-е годы и саму перестройку, как войну поколений, которая, на мой взгляд, продолжается до сих пор и определяет глубинный смысл политических процессов в современной России.

Пионерами теории поколений являются американцы Уильям Страус и Нил Хау, но именно применительно к России, на мой взгляд, поколенческий подход обладает большими

² https://www.youtube.com/channel/UCPxKEwqNazuhyKaBwW8VPAA?view_as=subscriber

эвристическими возможностями, то есть позволяет довольно адекватно анализировать и объяснять значимые российские социально-политические события последних десятилетий.

В отличие от западных обществ, в нашей стране судьбы поколений определялись кардинально не только глобальными факторами (война, великая депрессия и т.п.), но решениями съездов партии, пленумов и политбюро ЦК или смертью генсеков. Любой съезд или пленум ЦК мог в одночасье поделить жизнь всего поколения на до и после, причем это касалось всех без исключения – и рабочего, и колхозника, и профессора, и министра, и партработника. Если в тех же США или Западной Европе поколенческий разлом наступал постепенно и становился, главным образом, следствием развития самого общества – изменение качества жизни, трансформация ценностей и т.п. (исключение – война или мощный социальный взрыв), то в СССР, помимо этих факторов, нашу жизнь напрямую определяли партия и правительство, поэтому поколенческий разлом наступал мгновенно и оставлял «чистый срез», отделяющий одно поколение от другого. Я об этом пишу в статье о моем поколении.³

Объяснение политических процессов борьбой более молодого поколения с поколением, засидевшимся у власти, встречается, например, в работах по истории Мексики. В частности, ряд историков полагает, что движение за либеральные реформы в Мексике 1855-1876 годов имело форму такого поколенческого конфликта, результатом которого явился приход к власти более молодого поколения, а старое было отодвинуто от властных рычагов.⁴

В этой книге на примере биографии отца я старался показать, что среди его поколения партийных работников потребность в реформировании КПСС возникла абсолютно органично, поскольку была сформирована как раз тем засильем на ключевых постах людей старшего поколения, не дававших возможность молодым расти и реализовывать свою поколенческую программу. Я пытаюсь понять, что же пошло не так и делаю свои выводы.

Например, я считаю, что с уничтожением КПСС в августе 1991 года была уничтожена и демократия в России. Только сами тогдашние «демократы» этого не поняли. Альтернативный вектор развития страны через реформирование КПСС оказался нереализованным, хотя сейчас, по-моему, ясно, что это был бы лучший, наиболее безболезненный вариант трансформации советского общества. В России институциональная демократия могла проявиться только в КПСС, как это ни парадоксально. По той простой причине, что именно в недрах КПСС эта потребность в демократии была осознана и вызрела среди молодого поколения партийных работников. Здесь хотел бы уточнить – я говорю не о всех молодых поколениях партийных функционеров, а о поколении «оттепели», то есть поколении моего отца.

Именно в недрах КПСС эта самая демократия и пробивалась робкими ростками в 1970-80-е годы. Как только наметились плоды – все вырубили, открыв прямую дорогу к примитивному авторитаризму. А что же вы хотите, когда уничтожаете единственный институт, который дорос до потребности системной демократии. Я говорю именно о системной демократии, а не о демократическом активизме, который всегда был в СССР на уровне индивидуальных протестов диссидентов.

Мой отец и его коллеги-единомышленники, как это обычно бывает, были сметены революцией, точнее, контрреволюцией Б.Н. Ельцина. Борис Николаевич, возможно, сам того не желая, оказался во главе антиперестроечного процесса. Как говорится, спасибо и на том – что не расстреляли, как это непременно случилось бы в не таком уж давнем прошлом. Все-таки с тех пор нравы смягчились.

³ М. Анипкин. Поколение «лишних людей»: антропологический портрет «последнего советского поколения». // «Неприкосновенный запас». №1, 2018.

⁴ R. Sinkin. The Mexican Reform, 1855-1876. A Study in Liberal Nation-Building. – Institute of Latin American Studies, The University of Texas at Austin. Austin Texas, 1979. P. 36, 58; F. Guerra. Le Mexique: De l'ancien Regime a la Revolution. – L'Harmattan, Publications de la Sorbonne. Paris. P. 200-201; A. Knight. The Mexican Revolution. Volume 1. – University of Nebraska Press. Lincoln and London, 1986. Pp. 189, 197, 264-267, 270, 280.

Эту книгу я начал писать сразу после ухода папы. Сначала в виде записей в социальных сетях и обрывков черновиков для себя. Хотелось восстановить все наши с папой долгие разговоры на кухонной лоджии после обеда по выходным. Много говорили о том времени, о нереализованных возможностях. Со мной папа был откровенен. Мне нравилось быть с папой. С ним было интересно. Он был очень харизматичный человек.

Как целостный текст книга складывалась непросто, поскольку я искал правильный язык, который бы передал максимально точно то, что я хочу сказать. Несколько раз бросал – мне казалось, что у меня не получается нащупать правильные слова. Потом снова садился писать и постепенно, как мне кажется, эти слова нашлись. Я, прежде всего, благодарен своей маме, Лидии Владимировне Анипкиной, – мама специально для меня работала в бывшем Волгоградском партархиве и нашла нужные мне стенограммы пленумов обкома. Хочу сказать спасибо папиным друзьям и коллегам, которые с огромным энтузиазмом откликнулись на мои просьбы о встрече. Отдельное спасибо моим друзьям, которые прочитали рабочий материал и высказали свои замечания.

В книге я широко использую папины воспоминания – все равно лучше него я не смогу описать то, что пережил он. По-моему, книга получилась откровенной и как социолог я прекрасно понимаю, что даю повод самым неожиданным интерпретациям и комментариям. Я не знаю, как эту книгу воспримет мой читатель, но передаю ее в Ваши руки со спокойной душой.

Колчестер, 2020 год.

Я с папой в саду в нашем доме в Урюпинске. Лето 1980 года.

Глава 1. Перестройка – революция сорокалетних или «бунт вторых секретарей»

Метафора о том, что перестройка – это «бунт вторых секретарей», появилась среди самих партийных работников поколения 40–45-летних (на момент 1985 года), которые годами сидели на своих должностях без продвижения по карьерной лестнице не потому, что были не достойны или плохи, а потому, что в тех самых более высоких креслах сидели «пенсионеры» поколения 1920-х годов рождения, а часто и старше. Вероятно, первым, кто использовал эту метафору в медийном поле был Андрей Нуйкин, опубликовавший письмо «анонимного второго» в своей статье «Внимание! «Вторые» выходят из тени» в «Огоньке» накануне XXVIII съезда КПСС.⁵ То письмо было написано более молодым автором, ровесником поколения Путина, 1950 г.р. Судя по тональности, автор не был партийным работником – скорее молодым заместителем председателя облисполкома, но проблема была очерчена вполне адекватно.

Властная пирамида советской номенклатуры давно нуждалась в поколенческом обновлении и это с особой остротой проявилось на том же XXVIII съезде КПСС во время дискуссии о заместителе генерального секретаря. Сразу несколько делегатов выступили с предложением ограничить по возрасту второго человека в партии – до 60 лет. Это предложение не понравилось М.С. Горбачёву и оно в итоге не прошло. Не удивительно – самому Михаилу Сергеевичу тогда было 59, а его протеже Ивашко – 58, то есть они были «на грани» этого возможного нижнего возрастного порога. Свою кандидатуру на зама генсека тогда выдвинул А.С. Дудырев – ректор Ленинградского технологического института, которому было 45, что он особенно подчеркнул, представляясь с трибуны съезда.

Это очень показательно! Именно это поколение 40-летних чувствовало себя обойдённым, поскольку «старцы в политбюро» и первые секретари обкомов по всей стране в застойные годы сидели намертво, не давая возможности расти поколению моего отца. Самовыдвижение Дудырева – крик именно этого поколения. Глубоко символична в этом контексте была идея выдвижения 43-летнего первого секретаря Новосибирского обкома КПСС Владимира Миндолина генеральным секретарем на июльском, 1991 года пленуме ЦК КПСС.⁶ На самом пленуме этот вопрос не поднимался, но в печати обсуждался.

Этот факт следует подчеркнуть – в перестройке нуждалось не советское общество, а именно партия. Точнее – руководящие структуры КПСС. Партия примерно с конца 1970-х годов начала испытывать колоссальную проблему – кадровый застой, связанный с тем, что не происходило естественного возрастного обновления на руководящих постах в партийной иерархии. Особенно очевидным это становилось на уровне секретарей обкомов и ЦК. Если в райкомах и горкомах партии первые секретари как-то менялись, поскольку из комсомола приходило новое поколение партийных работников и их куда-то нужно было трудоустроить, то уже на областном уровне все останавливалось. Исключения, разумеется, были, но они только подтверждали правило. После смещения Н.С. Хрущева в 1964 году и прихода Л.И. Брежнева вновь избранные первые секретари обкомов поселились в своих креслах намертво, как минимум, лет на двадцать. В политбюро была аналогичная ситуация. Пришло время в конце 1970-х – начале 80-х годов начать постепенную поколенческую ротацию на уровне краев, областей, республик, а также на уровне ЦК и в политбюро.

⁵ Нуйкин А. Внимание! «Вторые» выходят из тени. // «Огонёк», 1990. 16-23 июня, № 25. – Москва. Издательство ЦК КПСС «Правда».

⁶ <https://www.kommersant.ru/doc/36>

Поколение 40-летних партийных работников постепенно должно было заменить 60-летних первых секретарей обкомов и секретарей ЦК, членов и кандидатов в члены политбюро. Но этого не произошло. Наступил кадровый застой, который среди партработников в шутку называли «стабильностью кадров». Это был самый опасный застой, который и угробил, по моему глубокому убеждению, партию и страну. Не экономический, а именно этот – поколенческий. Молодые партийные работники были недовольны таким положением вещей и хотели изменений, то есть ухода стариков, что позволило бы осовременить руководство партии и государства на всех уровнях, инициировав карьерный рост представителей более молодого поколения руководителей.

В. Бочаров прямо пишет об этом в своей книге: «Именно внутри партии эффективная регуляция социально-возрастного конфликта в «застойные годы» была нарушена. Это прежде всего касалось взаимоотношений между старшим и средним звеном <...>. К 80-м годам, по наблюдениям автора, <...> высшие командные посты в обществе занимали старые люди, в то время как мужчины в возрасте примерно 40 лет продолжали ходить «в мальчиках». Советские элиты во всех сферах деятельности («номенклатура») практически не обновлялись. <...>. Интересно, что именно люди в возрасте 40-45 лет приняли наиболее активное участие в «перестройке», которая впоследствии получила вполне справедливое определение как «революция сорокалетних». Именно это поколение, по всей видимости, наиболее остро в данный период ощущало свою отчужденность от власти. Оно практически было лишено (в тех конкретных условиях) возможности занять командные посты в обществе, поскольку более старшее поколение продолжало находиться на вершине власти»⁷.

Это осознание кризиса внутри партии начало созревать среди наиболее продвинутых представителей партноменклатуры к концу 1970-х годов, поскольку кадровый застой стал не просто раздражать и морально изматывать поколение 40-летних партийных работников, но и негативно влиять на работу самих руководящих структур партии.

Постаревшее руководство страны не могло адекватно реагировать на глобальные общественные изменения во второй половине XX века, которые требовали новых нестандартных решений вплоть до изменения устава, программы партии и идеологии. Этот кадровый (пиши – поколенческий) застой встал на пути решения двух структурных проблем КПСС, заложенных еще в 1920-е годы: во-первых, невероятная забюрократизированность аппарата сверху донизу, выражавшаяся в принципе «демократического централизма». По сути, этот принцип означал, что все мало-мальски важные решения должны были согласовываться с вышестоящими партийными комитетами. Даже те решения, которые не касались идеологических основ партии.

И вторая проблема – практика приема в члены КПСС нуждалась в срочном пересмотре. Практически до самого последнего, XXVIII съезда КПСС июля 1990 года, существовала заложенная еще в 1920-е годы схема приема новых членов: основной массив рекрутировался из рабочих и только небольшие квоты отводились крестьянству и интеллигенции. Во всем цивилизованном мире, включая СССР, под влиянием научно-технического прогресса «ведущим классом» во второй половине XX века стали профессионалы – работники интеллектуального труда, потеснив рабочий класс. Однако это не нашло отражения в практике комплектации КПСС. Как и 50 лет назад, ученые, преподаватели, врачи, учителя, писатели, вообще все «представители советской интеллигенции» принимались в партию по остаточному принципу, а это означало, что они объективно не могли пополнять руководящие структуры партии и государства, то есть влиять на вектор развития страны. Вот эти две «горячие» проблемы в партии и должно было решить новое поколение партийных работников, которых старики просто не пускали ни в ЦК, ни на ключевые позиции в краях, областях и республиках СССР.

⁷ Бочаров В.В. Антропология возраста: Учеб. пособие. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2001. С. 184-185.

Папа на себе испытал все «прелести» этого кадрового застоя, а вместе с ним и вся наша семья. Он же по этой причине с энтузиазмом воспринял перестройку, поскольку полагал, что она позволит демократизировать партию и открыть задвижки для вертикальной мобильности в цэковских креслах, так ревностно охраняемых старшим поколением.

Вообще до 1973 года, то есть до избрания первым секретарем Урюпинского городского комитета партии, папин карьерный рост был стремительным. В Урюпинске был крупный горком, который осуществлял руководство горисполкомом и райисполкомом (те читатели, кому больше 45, понимают, о чем идет речь). Папа стал самым молодым (33 года) на тот момент первым секретарем горкома партии в РСФСР (мама говорила, что самым молодым в СССР, но в этом я не очень уверен). До этого момента папина карьера шла в гору очень быстро. В 19 лет – второй секретарь Добринского райкома ВЛКСМ (1959 г.). С 1962 по 1967 папа прошел путь от инструктора до второго секретаря Волгоградского обкома комсомола. В 1967 году он сам попросил отправить его на учебу в высшую партийную школу при ЦК КПСС в Москве, по окончании которой он стал вторым секретарём Даниловского райкома партии – ему было только 29 лет (1969 год). Наконец, в 1973 году его избирают первым секретарем горкома КПСС в Урюпинске, где папа остановился на 12 лет, до 1985 года. Все эти этапы своей карьеры он подробно и красочно описывает в своих воспоминаниях.⁸ Здесь я хочу привести отрывок, где папа рассказывает, как его избирали первым секретарем Урюпинского горкома партии:

«Надо сказать, что должность «первого» в партии была принципиально отлична от всех других должностей, какой бы уровень мы ни взяли. Я уже говорил, что первый всегда обладал правом на истину в последней инстанции. Со вторым секретарем, а тем более с работниками аппарата еще могли как-то конкурировать в реализации властных функций советские или хозяйственные руководители. Но слово первого было законом для всех. Поэтому переход с должности второго секретаря Даниловского райкома партии на должность первого в Урюпинск был серьезным скачком в карьере.

О том, что такая перестановка планируется, я не знал. Да и не должен был знать, поскольку вопросы эти решались где-то там, наверху, куда мне доступа пока не было. Поэтому когда в конце ноября 1973 года вечером у меня дома раздался звонок заведующего отделом организационно-партийной работы обкома Виктора Борисовича Василенко, я несколько насто-рожился, хотя Виктор Борисович просто вызывал меня к себе на следующий день. В принципе это могло означать что угодно, хотя особых грехов я за собой не чувствовал.

Первого нашего секретаря Серафима Федоровича Потапова на месте не было, он был в Волгограде, но ждать его приезда я уже просто не мог. Сел в машину, и поехали мы с шофером ему навстречу, вглядываясь в номера встречных машин и гадая, не поехал ли он дальней дорогой через Камышин.

Неподалеку от Михайловки увидели знакомую машину. Вышли, покурили, сначала о том-о сем поговорили, как будто соблюдая какой-то ритуал. Потом я наконец спросил: «Серафим Федорович, меня в обком вызывают, не знаете, зачем?» Он сначала помолчал, потом со значением сказал: «Знаю. Будут тебя рекомендовать на первого секретаря райкома». Я сразу же поинтересовался, какого района, но ответа не получил. Не потому, конечно, что Потапов этого не знал, все он знал, с ним же этот вопрос согласовывали. И не потому, что плохо ко мне относился или не хотел отпускать. Он бы мне на этот вопрос все равно не ответил, какие бы мы закадычные друзья ни были, потому что не позволяла этого партийная дисциплина.

Действительно, ведь строгое отделение одного партийного уровня от другого было бы невозможно без создания особой атмосферы секретности и многозначительности. Нижестоящим не полагалось знать то, что знали вышестоящие. Само собой разумелось, что вышестоящие знают больше, поэтому и власти у них больше. Разумеется, в любом сообществе чем

⁸ Анипкин А.М. Я был последним Первым. – Вздо. Волгоград, 1991.

больше информированность, тем больше возможностей у человека. И не обязательно все это засекречивать. Но когда создается атмосфера секретности, люди ведь думают бог знает что, они всегда думают больше, чем есть на самом деле, и, следовательно, относятся к тем, кто обладает секретной информацией, с большим почтением или даже страхом.

Наверное, поэтому у нас был принят порядок, согласно которому все постановления бюро областных, районных, городских комитетов партии даже по самым обыденным вопросам, например, по коммунальному хозяйству, по пенсионному обеспечению и так далее шли под грифом «секретно». Это обосновывалось тем, что нельзя раскрывать стиль и методы работы партийных комитетов, поскольку они являются органами политического руководства. Я думаю, мы просто пытались этой засекреченностью скрыть тот простой факт, что никакого политического руководства не было, была хозяйственно-управленческая деятельность. А политическое руководство было только в лозунгах и программных документах. Было бы оно на самом деле, партия не оказалась бы бессильной в нынешний период демократизации.

Но это я к тому, что отказ добрейшего Серафима Федоровича ответить на мой вопрос ничуть меня не удивил и не обидел, хотя я еще некоторое время пытался вытянуть из него некоторую информацию. Но все, что мне удалось услышать, это: «Район хороший, ты парень здоровый, справишься, поэтому – соглашайся». На том и расстались.

В обкоме КПСС меня принял Василенко. Он тоже сообщил, что меня будут рекомендовать первым секретарем райкома, но какого, не сказал. Тут уж я не выдержал, поскольку знал – когда поведут «наверх», отказываться будет уже поздно, надо хоть знать, на что идешь. Поэтому просто начал умолять сказать, что со мной будет.

Василенко сначала терпеливо объяснял, что ему категорически запретили говорить об этом. Потом стал рассказывать, что район непростой, есть свои сложности, и если кто узнает, что меня туда рекомендуют, то вдруг заранее подготовятся и не изберут. И все-таки сам Василенко прекрасно понимал всю нелепость ситуации, да и человек он был хороший, объективный и честный по натуре; меня хорошо знал, поэтому не выдержал в конце и все рассказал с обязательным условием, что я его не выдам.

«Поедешь, – говорит, – на родину свою, в Урюпинск. Там Сычев Николай Захарович девять лет секретарем работал, но обстановка сложная. Совсем незнакомого они вряд ли примут, поэтому решили тебя рекомендовать. Мы тебе здесь пришлем лычку повыше, чтоб не второй секретарь Даниловского райкома, а по меньшей мере заместитель заведующего отделом обкома партии к ним приехал. Но тебе об этом пока никто не скажет, и ты не проговоришься».

Я, честно скажу, и обрадовался, и испугался. С одной стороны – родные места, всех и все я там знаю, люблю с детства. Но, с другой стороны, и меня там все знают, и хорошее про меня знают, и плохое, как примут – неизвестно. Но все это еще было впереди, а до этого предстояла длительная процедура «введения в должность». Здесь тоже был свой порядок, который неукоснительно соблюдался.

Сначала следовал визит к секретарю обкома, который курировал отдел оргпартработы и занимался кадрами. В то время им был Литвинов, о котором я уже рассказывал. Это был тот уровень, на котором информация уже сообщалась полностью или почти полностью. Возражений не предполагалось. На более низких уровнях их еще можно было высказывать, но, если ты доходил до кабинета секретаря обкома, считалось, что вопрос уже полностью согласован и решен. Да и не было у меня особых возражений, просто я попросил разрешения посоветоваться с семьей. Это тоже было небольшим отклонением в регламенте, поэтому вызвало удивление Литвинова: «У тебя что, в семье не порядок?» Я объяснил, что именно потому, что в семье порядок, я и должен с ними посоветоваться.

Надо сказать, что семейные дела сотрудников партаппарата интересовали высшее начальство только в тех случаях, если случались какие-то неприятности, жалобы и тому подобное.

Поэтому Литвинов сразу потерял интерес к этому вопросу и объявил, что с завтрашнего дня я буду заместителем заведующего отделом организационно-партийной работы обкома, но это ненадолго, а вот когда выпишут мне командировку, тогда и узнаю, куда и зачем я еду. Мне необходимо было делать вид, что до этого времени я тоже ничего не знаю.

Следующим этапом в процедуре назначения был визит к первому секретарю обкома. Им тогда был Леонид Сергеевич Куличенко, но он находился в отъезде, и принял нас второй секретарь обкома Сергей Евгеньевич Крылов. Тут уже вообще никаких разговоров не предусматривалось, меня просто спросили, согласен ли я, я ответил, что согласен, и можно было уходить. Правда, снова не удержался – спросил, почему так все быстро решается, что мне даже не дают возможности посоветоваться с семьей. Крылов удивился и ответил той фразой, которую я часто слышал на протяжении своей жизни, которая ничего не объясняла, но ставила точку на всяких рассуждениях и дискуссиях. Он сказал: «Партийная дисциплина есть партийная дисциплина».

Неделю или дней десять, не помню, прожил я в гостинице «Волгоград», добросовестно ходил «на работу» в обком, хотя прекрасно знал, что ни в какие дела мне здесь особо вникать не следует, так как все это вот-вот кончится. Жене, конечно, позвонил, но строго-настрого приказал никому ничего не говорить. Она все поняла, одежду мне кое-какую передала, чтоб хоть на первое время было во что одеться (уехал-то я налегке). В общем, как в заключение.

<...>

Проводить конференцию поехал сам Литвинов. Это был его участок работы, тем более, если предполагалась смена секретаря, присутствие высшего обкомовского начальства было обязательным. Приехали заранее, и он послал меня походить по городу, осмотреться, познакомиться со старыми знакомыми, но зачем приехал, говорить запретил. Было это не очень приятно, но по родным местам я соскучился, старым товарищам обрадовался, так что два дня пролетели незаметно.

В день конференции утром собралось заседание бюро городского комитета партии. Представили меня как зам. зав. отделом обкома и рекомендовали избрать на новую должность. А кто меня там знал из присутствующих? Никто, кроме одного человека – Петра Максимовича Серкова. Он меня еще в 1961 году в партию рекомендовал, а тогда работал председателем Урюпинского райисполкома. Это хорошо, что хоть один знал, а то ведь бывали случаи, когда привозили совсем незнакомого человека, а члены бюро его послушно рекомендовали, не представляя, что он есть такое.

Серков сказал, что хорошо меня знает и мою кандидатуру поддерживает. Остальные молча согласились. А не согласиться они просто не могли. Система всегда жестко карала несогласных. И если кто-то где-то осмеливался возразить, не согласиться с рекомендациями руководства, его вежливо выслушивали, но потом обязательно держали под пристальным вниманием, и при малейшей оплошности следовало наказание. Молчаливое согласие большинства – это фундамент партийного монолита.

Я как представитель обкома сидел на конференции в президиуме, слушал отчетный доклад Сычева, прения и думал, что народ в зале пока ни о чем не догадывается. Но в перерыве подошел ко мне старый знакомый, бывший председатель колхоза, а в то время директор Урюпинского хлебокомбината Василий Иванович Солодков и напрямик спросил: «Сашка, тебя, что ль, на первого выбирать будем?» Я все еще выполнял наказ Литвинова и не признался. «Да брось ты, – сказал Солодков, – мы уж тут все поняли».

В перерыве Литвинов собрал так называемый совет представителей делегаций для обсуждения списка кандидатур в члены горкома. Списки уже были согласованы, но порядок соблюдался. Все присутствующие порядок этот знали, поэтому совет шел довольно мирно. Одна только смелая женщина нашлась, директор Салтынской средней школы Мария Яковлевна Кушкина. Видимо, не понравился я ей чем-то, или стало жаль Сычева, но она напрямик спро-

сила: «Вы что, дитя решили нам рекомендовать?» Было это немного обидно, поскольку «дитя», то есть я, от роду имело 33 года <...>, хотя, может быть, с высоты своего возраста Мария Яковлевна и смотрела на меня как на малолетнего. Возражение ее серьезным не посчитали, да и сама она его быстро сняла. Все закончилось так, как и намечалось, меня единогласно рекомендовали.

Во время голосования не досчитались одного бюллетеня. Сейчас смешно об этом говорить, но тогда это было серьезная накладка. Долго выясняли, в чем дело, Литвинов нервничал, но все кончилось благополучно, избрали почти единогласно.

Надо сказать, что этот отработанный механизм расстановки кадров и их смены практически не менялся все то время, что я работал в партийных структурах, а работал на протяжении трех «исторических периодов» – хрущевской оттепели, брежневского застоя и горбачевской перестройки. Существовали некоторые отличия только в зависимости от должности, в которой тебя утверждали. Я еще раз на себе испытал действие этого механизма, когда проходил утверждение на должность секретаря областного комитета партии. Это было уже в 1985 году, перестройка только начиналась, были большие ожидания и какое-то оживление в партии. Меня должно было бы насторожить, что все на глазах меняется, а сложившиеся годами отношения субординации и дисциплины остаются прежними. Не насторожило. Хотя именно в этот момент я близко столкнулся с людьми, которые непосредственно определяли партийную и государственную политику, некоторые определяют и сейчас».⁹

⁹ Анипкин. Указ. соч. С. 34 – 39.

Волгоградская область ничем не отличалась от остальной страны, поскольку в ней происходило абсолютно тоже самое, что практически во всех других краях, областях и республиках СССР. Леонид Сергеевич Куличенко занял пост первого секретаря обкома в 1965 году после ухода в Москву прежнего первого секретаря – Алексея Михайловича Школьникова, активно поддержавшего смещение Н.С. Хрущева. Куличенко просидел в своем кресле до 1984 года когда его, ушедшего на пенсию, сменил Владимир Ильич Калашников, которого «пролоббировал» его друг и коллега по Ставропольскому крайкому партии тогдашний секретарь ЦК по сельскому хозяйству М.С. Горбачев. Я думаю, если бы Горбачев не поспособствовал Калашникову, то Куличенко вполне мог бы и дальше быть «первым» еще пару-тройку лет. Такая же картина была практически везде по Советскому Союзу.

Первый секретарь Волгоградского обкома КПСС (1965-1984 гг)
Л.С. Куличенко.

Для работы над этой книгой, в январе 2019 года я встречался в Москве с Владимиром Анатольевичем Катуниным, папиным другом и коллегой. Он мне тогда сказал: «Миша, твой отец должен был бы стать первым секретарем Волгоградского обкома не в 1990 году, а в 1980. Ну максимум в 1982». Катунин был зональным инструктором ЦК в начале 1980-х и он мне рассказал то, что видел своими глазами. Как старики – первые секретари обкомов – сидели практически везде по стране в своих креслах без движения. Он на многочисленных примерах рассказывал мне про почти полное отсутствие поколенческой ротации на уровне первых секретарей обкомов, крайкомов и республик с середины 1960-х годов и до самой перестройки.

Я помню, как папа приезжал с очередного пленума обкома и они с мамой, запершись на кухне, о чем-то тихо беседовали. Иногда до меня доходили отдельные слова и, хоть я и не понимал деталей, но чувствовал, что папа был раздражен происходившим на пленумах. Эти раздражение и злость накапливались. Я видел, как папа все это держал в себе и на мои наивные вопросы о том, переводят ли его куда-нибудь в другое место, он улыбался и делал свой знаменитый отрывистый взмах правой рукой – что означало бесполезность происходящего. Я понимал из обрывков его разговоров с мамой и некоторыми близкими коллегами, что их всех, мягко говоря, озадачивала, ситуация в областном комитете партии во главе со стареющим первым секретарем.

Позже оказалось, что я все правильно понимал. Папа и в своих мемуарах, и в долгих беседах со мной после 1991 года откровенно делился некоторыми подробностями того, как он, молодой первый секретарь Урюпинского горкома, спорил с «мамонтами» из обкома партии. Причем, не только тогда, но уже и в статусе первого секретаря Волгоградского городского комитета КПСС, и первого секретаря Волгоградского обкома – в последних двух случаях это уже была критика не только обкома, но и ЦК. У папы всегда было свое видение того, как и чем должна руководить партия. И это его представление далеко не всегда совпадало с той практикой, которая была принята в партийных комитетах всех уровней.

Мне как-то один друг, с которым мы знакомы со школы, сказал, что «это просто твой отец такой был современный, широко мыслящий партработник, в то время как в большинстве там были совсем другие типажи». Не совсем соглашусь с этим. Думаю, есть большой поколенческий компонент. Молодые секретари, возраста моего отца, были подавляющим меньшинством в райкомах, горкомах и обкомах поэтому многие из них просто сидели тихо, стараясь не раздражать стариков. Мой папа хоть и был осторожным, но понимал идиотизм происходившего поэтому периодически позволял себе такие выступления на пленумах обкома в 1970-е годы, которые мало кто из его коллег отважился повторять. Он в своих воспоминаниях прямо пишет о «старении» системы и это не только метафора: «Меня все время не оставляет мысль, что период «старения», саморазрушения в партии начался задолго до этого. Когда – не знаю. Знаю только, что продолжить внешнее существование любой разлагающейся системы может только консервация. И вот такой самоконсервацией для партии был период застоя, он был продолжением псевдожизни. Вот против такой псевдожизни я и собирался тогда выступить».¹⁰

В воспоминаниях папа рассказывает о двух таких выступлениях на пленумах обкома – в 1975 и 1984 годах. Для молодых читателей надо пояснить, что такое пленум в системе КПСС. Пленумы районного комитета партии (райкома), городского комитета (горкома), областного комитета (обкома) и центрального комитета (ЦК) были, по сути, самым главным институтом управления страной на всех уровнях. Пленум состоял из членов соответственно райкома, горкома, обкома и ЦК, которых до уровня ЦК избирала соответствующая партийная конференция, а центральный комитет избирался съездом КПСС. Пленум избирал первого секретаря соответствующего партийного комитета и бюро. Пленум ЦК избирал генерального секретаря и политбюро, то есть руководство страны. Пленум на своем уровне мог решить практически любой вопрос. Например, снять с должности первого секретаря. Самое известное «снятие» на пленуме в ходе простого голосования – отстранение Н.С. Хрущева от должности первого секретаря ЦК КПСС в октябре 1964 года. То есть пленум – это очень серьезно. В теории на пленуме член соответствующего комитета имел право критиковать любого члена того же комитета и поднимать любые вопросы, от проблем в хозяйстве до воспитания и идеологии. В реальности мало кто кого-то критиковал поскольку не хотели неприятностей на свою голову.

Итак, первый «взбрык» 34-летнего папы – первого секретаря Урюпинского горкома – произошел 10 марта 1975 года на пленуме Волгоградского обкома КПСС, где он довольно резко для того времени покритиковал работу председателя облпотребсоюза М.В. Баранова. Вот что папа пишет в своих мемуарах:

«Председателем облпотребсоюза работал тогда Михаил Васильевич Баранов. У него были достаточно близкие отношения с областной партийной верхушкой, и работой с другим контингентом он себя особо не утруждал, что, конечно, сказывалось на положении дел с потребкооперацией в районах. Тем более что вообще отношение областных структур к районным оставляло желать лучшего. Мы постоянно ощущали давление со стороны обкома партии, причем к работникам райкомов в области предъявлялись порой явно необоснованные требования. Я этому с самого начала пытался противиться, но в наиболее резкой форме это проявилось, когда как-то на пленуме обкома рассматривался вопрос о кадрах. Я посчитал, что раз речь идет о кадрах, то и говорить надо о конкретных людях. И выступил с резкой критикой стиля и методов работы товарища Баранова, от которых мы так страдали в районах. Сказал, что ему свойственно перекладывать свои функции на секретаря обкома товарища Литвинова, который с его подачи шлет нам распоряжения и указания. Но, может быть, пришла пора спросить с самого Михаила Васильевича? Сегодня подобное выступление представляется даже мягким, а

¹⁰ Анипкин М.А. Я был последним Первым. – Вздо. Волгоград. С. 52.

тогда это было явное «нарушение регламента», что и не замедлило сказаться. Конечно, никто меня не поддержал, <...> а облпотребсоюз немедленно урезал фонды моего района». ¹¹

Как видите – папу сразу наказали, сократив поставки товаров в возглавляемый им Урюпинский район. Понимал ли он последствия? Уверен – понимал. Так почему же выступил с критикой влиятельного областного вельможи, с «крышей» в виде секретаря обкома по кадрам? Потому что дело принципа. Папу искренне возмущал стиль работы обкома, и он, будучи человеком честным, счел необходимым сказать об этом на пленуме.

Папа неоднократно перед смертью мне говорил: «Сын, обязательно посмотри в областном партархиве стенограммы тех пленумов, где я критиковал кадры и работу обкома, – это важно, как доказательство того, что я реально все это говорил еще тогда на пленумах задолго до перестройки». В бывшем партархиве (сейчас это «Центр документации новейшей истории Волгоградской области») необходимые стенограммы нашлись, как папа и говорил.

Это был пленум обкома КПСС, на котором обсуждался «обмен партийных документов и задачи областной партийной организации». Папа в конце своего выступления начал не только критиковать Баранова, но и высказывать рекомендации по работе бюро обкома:

«Облпотребсоюз, его председатель т. Баранов также пытается большую часть ответственности за работу районных потребительских обществ переложить на местные партийные органы. Урюпинские межрайбаза и райпо из года в год не выполняют план товарооборота. Казалось бы, такое положение должно встревожить правление облпотребсоюза. Видимо, в такой ситуации нужно было направить в район серьезную бригаду, детально разобраться с причинами невыполнения плана, дать горкому партии и райисполкому конкретные предложения. Но вместо этого – инспекционные поездки по магазинам, заканчивающиеся составлением актов о том, в каких магазинах на день проверки не было тех или иных товаров достаточного ассортимента. Затем на основе этих актов составляются справки, которые т. Баранов несет т. Литвинову (секретарь обкома по кадрам. – М.А.). После этого т. Литвинов покритикует нас, почему в том или другом магазине нет тех или иных товаров.

При вызове районных работников торговли в облпотребсоюз вместо деловой критики, помощи им устраивают разносы. Нередко звучат угрозы о снятии с работы. Мы считаем, что это совсем не тот стиль работы, который нужен в настоящее время. Как указано в постановлении ЦК КПСС «О состоянии критики и самокритики в Тамбовской областной партийной организации», ценность критики определяется не резкостью выражения, а правдивостью, доказательностью, общественной значимостью поднятых вопросов.

Мы ни в коей мере не снимаем с себя ответственности за состояние работы торговли, равно как и за массу других вопросов, которые мы обязаны решать, чтобы оправдать доверие избравших нас коммунистов и областного комитета партии. Но в то же время мы имеем полное право потребовать от руководителей областных организаций более конкретно руководить подведомственными предприятиями и учреждениями, оказывать им постоянную помощь и поддержку. Видимо, и бюро областного комитета партии должно предъявлять ко всем органам такие же повышенные требования, которые сейчас предъявляются к городским и районным комитетам. Именно на это нацеливает нас постановление Центрального Комитета партии «Об итогах обмена партийных документов». ¹²

Когда я увидел эту папину ссылку на постановление ЦК по Тамбовскому обкому, меня это искренне развеселило: «Узнаю папу», – подумал про себя. Он их, как бы мы сейчас сказали, троллил. Умело, красиво, с цитатами из постановлений Центрального Комитета – он же не был самоубийцей. Но даже такая критика была чем-то из ряда вон выходящим и старшее поколение

¹¹ Анипкин А.М. Указ соч. – С. 51.

¹² ЦДН ИВО, ф.113, оп. 95, д.6, л.51-52.

партработников реагировало на это крайне нервно. Потом папу вызвал тот же секретарь обкома И.А. Литвинов и, правда в мягкой форме, провел беседу.

А вот стенограмма другого папиного выступления (с репликами первого секретаря обкома Л.С. Куличенко) на пленуме Волгоградского областного комитета КПСС по утверждению отчетного доклада обкома на областной партийной конференции в январе 1984 года. Для подкрепления своей критики папа ссылается на статью в «Правде» о положительном опыте работы Грузинской партийной организации – тогда первым секретарем там был Э.А. Шеварднадзе.

«Тов.Анипкин А.М. – первый секретарь Урюпинского горкома КПСС, член обкома партии.

Товарищи, если говорить об общей оценке доклада, то второй вариант доклада более содержателен. По докладу. Все знают какую большую работу провела Волгоградская областная партийная организация по межхозяйственной специализации и концентрации сельского хозяйства, особенно животноводства, где созданы межхозяйственные объединения и сейчас они дают эффект. Поэтому в разделе сельского хозяйства, где идет речь о получении мяса, нужно сказать, что в основу этой практики необходимо положить укрепление и расширение базы межхозяйственного откорма, потому что это тот путь, который нам дает мясо, и об этом свидетельствуют примеры в районах. В последние годы много сделано по шефскому строительству, однако в разделе строительства, где ставятся задачи – ничего не сказано на будущее. Можно в конце записать, что нужно продолжать шефское строительство, иначе строить перестанут. Критикуется Урюпинская зона (папа тогда был первым секретарем Урюпинского ГК КПСС – М.А.) за невыполнение плана заготовок зерна. Критика правильная. К сожалению, есть у нас еще недостатки: низкая культура земледелия, засоренные сорняками поля и т.д. Но, анализируя статистические бюллетени, видны ошибки по доведению планов до районов. Вычисляется общий балл земли, который, видимо, ставится в основу плана. Но он не совсем верный и объективный, потому что наша земля работает лишь тогда, когда идет дождь. А если его нет? Поэтому, может быть, надо учитывать многолетнюю урожайность на будущее. В Киквидзенском районе урожай 22 центнера и в Урюпинском – 20 центнеров был только два года (1976 и 1978 гг.). И все. В тоже время отдельные районы собрали по 10-11 центнеров и им аплодируют, что они молодцы.

По строительству. В докладе критика правильная, нужно лучше строить. Но, видимо, наряду с одними строителями надо поставить и других руководителей. Например, критикуется г. Александрин, что он не берет объекты в глубинных районах, так почему же рядом не поставить имя т. Мамонтова. Тов. Александрин – подрядчик и строительную политику диктовать должен не он, а областное управление сельского хозяйства. Я хорошо знаю, как они планируют строительство. Тов. Александрин согласен все строить и все берет, но когда доходит до конкретного разговора, то оказывается, что у т. Родина нет лимитов, поэтому у нас совхоз "Искра" из года в год из строительства выпадает.

Тов. Куличенко Л.С. Правильно, он строит в Урюпинском районе, а в Нехаевском не строит. При написании доклада учитывались критические замечания делегатов районных конференций. В адрес т. Александрина было там много сказано, что он план не выполняет и уходит от строительства в глубинных районах и хозяйствах. А ваш район не глубинный, потому что вы находитесь рядом с железной дорогой. Критику в адрес т. Александрина считаю правильной.

Тов. Анипкин А.М. Тогда почему же никто из обкома партии т. Александрина не поправил. Я помню, было совещание первых секретарей райкомов и т. Косторниченко спросил у вас, Леонид Сергеевич, кто в обкоме партии будет заниматься сельским строительством? Вы сказали, что сельским строительством будет заниматься т. Крылов (второй секретарь обкома – М.А.). Но у т. Крылова столько отделов, что сельским строительством заниматься не хватает времени. Я могу привести примеры, когда задаешь вопросы, которые надо решать, а он оказы-

вается не в курсе. Речь идет о строительстве туберкулезной больницы. Поэтому в докладе надо четко сказать, кто же будет курировать эту область строительства. И, возможно, освободить здесь в городе некоторых работников (строителей) от лишней занятости в строительстве. Звонишь в Волгоград т. Данилову – он на панораме, т. Мальченко (зампредоблисполкома – М.А.) на другом объекте в городе. Все заняты и времени на сельское строительство у них не хватает. Поэтому, чтобы заниматься сельским строительством надо как-то перестроиться. (Папа говорит о необходимости «перестроиться» задолго до апрельского, 1985 года, пленума ЦК – М.А.).

О выполнении критических замечаний, высказанных делегатами на прошедших пленумах и конференции. В докладе не сказано, как они выполняются. А выполняются они плохо. Вот пример. Перед поездкой сюда я просмотрел замечания. Они выполнены только на одну треть. Дело здесь в том, что допускается несколько неверный подход к составлению мероприятий по выполнению замечаний. Допустим, критикуется т.Мамонтов. Критикуется потому, что он сам не может решить тот или иной вопрос. Вы даете ему поручение, а он отписывается вам и мне, что не может решить этот вопрос. Так нельзя, нужна конкретная помощь. Я приведу конкретный пример: в течение 6-7 лет мы просим построить в совхозе им. 8 Марта комбикормовый завод. Документация и все остальное есть, но до сих пор завод не строится. Для нас это не мелочь. Мы вынуждены в совхозе даже план снижать. Завод нам очень нужен и, похоже, что и в этом году он не будет строиться. Поэтому в докладе надо коротко и конкретно сказать, как выполняются замечания, высказанные на прошлой конференции.

Последнее – о подборе кадров. Сегодня мы утвердили двух заведующих отделами, так как оказались перед фактом. В отношении т.Серикова – мы его знаем как железнодорожника. В отношении т.Козенко – утвердили заведующим отделом экономики. В Еланском райкоме партии первым секретарем он работать не смог. Когда ушел т. Журавлев, туда послали другого товарища председателем райисполкома – там он тоже работать не смог. Теперь его утверждают заведующим отделом экономики. Какой из него экономист, если он по образованию инженер-механик. В этом плане надо более объективно смотреть. Недавно была статья в газете "Правда", где рассказывалось о том, как в Грузинской парторганизации подбираются кадры. Там, если рекомендуют даже на пост министра, то начинают обсуждение в рабочем коллективе, т.е. оттуда, откуда он вышел. Нам, может, и не нужно обсуждать в рабочих коллективах, но с секретарями райкомов советоваться надо.

С учетом замечаний предлагаю доклад одобрить».¹³

Папа вспоминает, что его выступление было воспринято гробовым молчанием. Никто его, разумеется, в критике кадрового подбора и работы обкома не поддержал, кроме В.А. Катунина, папиного друга и коллеги, тогда первого секретаря Ворошиловского райкома КПСС Волгограда, который выступил менее резко, но в том же ключе. Папа рассказывал, что его телефон молчал несколько дней – все боялись ему звонить. Потом выяснилось, что Куличенко уходит на пенсию и ему стали звонить со словами поддержки. Первым позвонил редактор «Волгоградской правды» Скрыпников и одобрил папино выступление на пленуме. Стали звонить и другие... И да – папа, как опытный аппаратчик, опять критикует умно – со ссылкой на практику работы грузинской парторганизации. Но даже эта критика была чем-то сверхъестественным по тем временам. Критикуя таким образом, ты себя ставил под удар и в перспективе с тобой могли расправиться. Первый секретарь обкома, в принципе, мог сделать с любым человеком в области практически все, что угодно. Или не все?

Мы часто с папой обсуждали эти и многие другие темы. Мне было интересно, как принимались решения в партийных органах. Какая была субординация. Какая реальная власть была у партийного руководителя. Как складывались отношения внутри номенклатуры. Это было обычно в субботу или воскресенье, после обеда. Запершись на кухне в лоджии, где он курил,

¹³ ЦДНИВО, ф.113, оп. 122, д.7, л. 6-9.

мы пили пиво и говорили часами. Нам было интересно друг с другом. Мне было важно понять его переживания тогда, оценки о том времени и о его работе. Папа довольно часто вспоминал эти два пленума – 1975 и 1984 гг. Он как-то мне сказал: «Понятно, что мнение первого секретаря обкома было решающим, но первого секретаря райкома или горкома – члена обкома – нельзя было просто так освободить от работы за конструктивную критику. Тем более, что уставу партии это не противоречило и формально ты ничего не нарушал. Но были, конечно, неписанные правила... Ты знаешь, меня иногда просто брала злость на неприкрытый идиотизм, и я выступал – как мог максимально критично».

Будни первого секретаря Урюпинского горкома КПСС. Папа в центре за плугом.

Открытие улицы только что построенных домов хозспособом в одном из совхозов Урюпинского района. Папа у микрофона на трибуне. 1983 год.

Открытие новой улицы с индивидуальными домами, построенными хозспособом, в колхозе «Россия» Урюпинского района. Лето 1985 года. Рядом с папой – председатель Урюпинского райисполкома П.М. Серков.

На фоне одного из таких домов. Все эти дома были построены по индивидуальным проектам и предназначались для молодых работников колхозов и совхозов Урюпинского района.

Готовя эту книгу, я прочитал стенограммы папиных выступлений на нескольких пленумах до 1984 года – все, что было рассекречено на тот момент. К сожалению, пленумы конца 1980-х – 1991гг пока еще засекречены и для работы с их стенограммами нужен специальный допуск, которого я не имею. Их рассекречивают постепенно, так что в году 2023-24 можно будет посмотреть стенограммы всех пленумов обкомов и ЦК до самого запрета партии в августе 1991 года. Хотя, если честно, – я не понимаю, почему бы это все не рассекретить уже сейчас. Нет, я знаю официальную причину – тогда на пленумах обсуждали вопросы оборонной промышленности. Но это было 30 лет назад! Сейчас либо той промышленности уж нет, либо и так все известно со спутников. Любим мы сохранять секретность там, где это уже не имеет никакого смысла.

Третий эпизод папиных критических выступлений с попыткой что-то изменить в области был связан с критикой нового первого секретаря обкома В.И. Калашникова в 1989-90 гг. По причине гласности этот сюжет получил некоторую публичность в то время, что дало повод завистникам и политическим оппонентам распустить слухи о «карьеристских устремлениях Анипкина», который стал из себя изображать демократа и «заигрывать с народом» с целью пересесть в кресло первого секретаря обкома.

Я готов поверить, что тем, кто моего отца не знал лично или не работал с ним, трудно было тогда представить партийного руководителя, первого секретаря горкома, искренне поддерживающего демократизацию в партии. И не просто поддерживающего, а своими критиче-

скими выступлениями продвигавшего эту демократизацию задолго до перестройки. Наверное, кому-то трудно поверить, что, критикуя В.И. Калашникова, отец искренне хотел серьезных изменений к лучшему в Волгоградской области. Изменений, перспективу которых он не видел с 60-летним первым секретарем обкома, мировоззрение и методы руководства которого остановились где-то на уровне директора МТС 50-х годов. Вальяжно-самоуверенного, жестокого, нетерпимого к оппонентам, убежденного в своей непогрешимости хозяйственного руководителя, который так никогда и не осознал свою политическую роль как члена ЦК и руководителя одной из важнейших областей страны.

Наверное, бесполезно пытаться переубедить тех, кто не верит, что мой отец был искренен в своем стремлении сделать прорыв в развитии Волгоградской области, реформировать партию и тем самым сохранить ее. Но это именно так. Доказательством моих слов выступает сама папина работа и оставшиеся записи его многочисленных телевизионных прямых эфиров, интервью, публикаций в СМИ, а также очень честные мемуары.

Какое счастье, что остались пленки папиных телевизионных выступлений в прямом эфире, без купюр. Я тогда (1987-1993 гг) старался записывать на видеомэгафон каждое папино появление по волгоградскому областному ТВ, и сейчас оцифровал и выложил их на своем канале в YouTube¹⁴. Вот эта папина искренность там совершенно очевидна. Сыграть это невозможно. Как он общается с огромной телевизионной аудиторией в прямом эфире. Как заметно его волнение. Особенно рекомендую посмотреть его часовой прямой эфир ноября 1988 года, где папа представляется волгоградцам в своей новой должности первого секретаря Волгоградского городского комитета партии¹⁵. Там такой шквал не всегда приятных вопросов новому руководителю города, на которые папа отвечает профессионально и абсолютно естественно.

Пересматривая ту запись, поймал себя на мысли, что в наше дни такое прямое общение первого руководителя без заранее срежиссированных вопросов кажется чем-то фантастическим, из другой эпохи. Кстати, тот формат общения в прямом эфире «без купюр» придумал известный волгоградский журналист Ефим Шустерман – он был тогда одним из руководителей областного телевидения. Папе этот откровенный разговор с людьми очень нравился, поскольку он соответствовал его характеру.

¹⁴ https://www.youtube.com/channel/UCPxKEwqNazuhyKaBwW8VPAA/featured?view_as=subscriber

¹⁵ <https://youtu.be/cMn6twlZHKc>

Один из прямых эфиров отца по волгоградскому областному ТВ. Ведет передачу Ефим Шустерман.

Прямой эфир с папой ведет журналистка областного ТВ Лариса Щелкунова.

Итак, папа подробно описывает конфликт с В.И. Калашниковым в своих мемуарах:

«Поистине отчаянная попытка добиться более серьезных изменений в области была предпринята мною в 1989 году. Это было вызвано тем, что постепенно обстановка становилась все более угнетающей, и отдельные попытки бунта превратились в постоянное противостояние с тогдашним партийным руководством области. Из обкома меня убрали как личность очень уж неудобную, перевели в горком партии (первым секретарем Волгоградского городского комитета КПСС – М.А.). Я так и говорю «перевели», потому что вплоть до выборов в Советы и до «февральской революции» в Волгограде все партийные избрания оставались формальностью. Но членом бюро обкома я оставался, терять было уже особо нечего, а фактов для возмущения было предостаточно. Поэтому противостояние превратилось в открытую конфронтацию.

Произошло это в конце августа 89-го года. Калашников, тогдашний первый секретарь обкома, был в отпуске. В его отсутствие неожиданно было собрано бюро, где выступил Баландин (второй секретарь обкома – М.А.). Приближался 60-летний юбилей «первого», и по этому поводу решили нас собрать. Баландин зачитал очень длинный документ, где перечислялись заслуги Владимира Ильича и говорилось, что, учитывая его огромные заслуги, бюро Волгоградского областного комитета партии ходатайствует о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда.

После зачитания документа воцарилась тишина. Баландин попросил высказываться. Все молчали. Я по натуре человек не очень выдержанный и не смог долго ждать, поднялся первым. Сказал, что мы занимаемся не тем, чем нужно. Во-первых, авторитет товарища Калашникова за последнее время в области существенно пошатнулся и вряд ли целесообразно ставить вопрос о присвоении ему звания Героя. А во-вторых, учитывая то, что действия Владимира Ильича вызывают недовольство многих, и его возраст, лучше всего поставить вопрос об его отставке. Это заявление вызвало шок у присутствующих. Сначала какие-то человеческие эмоции вроде бы проснулись. Сидящие рядом со мной Амелин (первый заместитель председателя облисполкома – М.А.) и Гаврилов (заведующий орготделом обкома – М.А.) по очереди зашептали: «Правильно, не заслуживает он этого звания».

Но после перерыва все стало на свои места. Те же Амелин и Гаврилов, равно как и другие члены бюро, в своих выступлениях обвинили меня в сведении личных счетов, в мести за то, что Калашников выдворил меня из обкома, и дружно призывали не принимать мое выступление во внимание.

Единственные, кто меня немного подбодрил, это все те же Володя Катунин (секретарь обкома – М.А.) и бывший секретарь обкома комсомола Виктор Ермаков. При голосовании они воздержались, я был против, остальные – «за».¹⁶

¹⁶ Анишкин М.А. Указ. соч. – С. 53.

Во время демонстрации 7 ноября 1988 года в Волгограде. На трибуне слева направо: первый секретарь Волгоградского обкома КПСС В.И.Калашников, председатель Волгоградского облисполкома А.Н.Орлов, председатель Волгоградского горисполкома Ю.Ф.Староватых, первый секретарь Волгоградского горкома КПСС А.М.Анипкин, секретарь Волгоградского обкома по строительству Г.В.Курин, председатель Волгоградского областного совета профсоюзов Х.Н.Латту.

Интересно, что перевод папы с должности секретаря обкома на первого секретаря столицы большой области, одного из крупнейших тогда индустриальных центров страны, формально был понижением. Калашников убрал папу из обкома осенью 1988, поскольку понял, что у Анипкина есть свое мнение и он это мнение готов отстаивать без оглядки на первого секретаря обкома. Вот ведь смешная тогдашняя иерархия привилегий. Секретарь обкома имел право пользоваться депутатскими комнатами в аэропортах и ж.д. вокзалах страны, а первый секретарь крупного областного центра уже нет. Хотя объем властных полномочий у первого секретаря Волгоградского ГК фактически был значительно выше, чем у обычного секретаря обкома. Папе в качестве партийного руководителя Волгограда по штату полагались два круглосуточных водителя (чего не было на посту секретаря обкома). У него в кабинете появился телефон правительственной ВЧ-связи, чего также не было у обычного секретаря обкома. Но это так – замечание «на полях», как говорится.

Папа – первый секретарь Волгоградского городского комитета КПСС в своём рабочем кабинете (1988 год).

Итак, после «своего» Л.С. Куличенко в 1984 году «первым» в область прислали «ставропольского» В.И. Калашникова, друга М.С. Горбачева. Поскольку новый первый секретарь нуждался в «своих» секретарях обкома, он и пригласил моего отца на должность секретаря обкома по идеологии осенью 1985 года. После провозглашенного курса на перестройку апрельским 1985 года пленумом ЦК, в соответствии с новыми веяниями, политбюро ЦК стало поощрять выдвижение на должность секретаря обкома по идеологии по всей стране молодых партийных руководителей с хорошим опытом конкретной работы «в территориях».

Урюпинский район, первым секретарем городского комитета партии которого мой папа проработал 12 лет, из второсортного отстающего превратился в динамично развивающуюся современную агломерацию города и села. Об этом свидетельствовали несомненные успехи в строительстве современного жилья, дорог с твердым покрытием, газификация района, развитие животноводства, производства агропромышленной продукции и другие вещи. Все это доложили Калашникову и он провел в Урюпинском районе летом 1985 года областное зональное совещание всех первых секретарей районов области. Я хорошо помню то совещание и как папа к нему готовился. Все прошло отлично и осенью, после собеседования в ЦК с А.Н. Яковлевым, папу избрали секретарем обкома по идеологии на пленуме обкома.

Папа в своих воспоминаниях подробно описывает, как на новой должности у них с Калашниковым стала проявляться разница во взглядах на партийное руководство, на принятие решений и особенно – на стиль работы партийного руководителя. В общем, Владимир Ильич Калашников к году примерно 1988 успел против себя настроить не только партийно-хозяйственных руководителей области, но и определенную часть населения. Новый первый секретарь болезненно относился к критике, был нетерпимым к мнению, отличающемуся от его. Одним из пострадавших от этого стиля работы стал заместитель председателя облисполкома Иван Петрович Шабунин, который имел несколько отличающийся от первого секретаря взгляд

на мелиорацию в области. Сам Калашников считал себя специалистом экстра-класса в этих вопросах – не даром перед назначением руководителем Волгоградской области он был министром мелиорации РСФСР. Калашников просто снял Шабунина с должности, «ибо нечего тут» (другого аргумента не было).

Были и другие «звоночки», обращавшие внимание на серьезные проблемы с руководством областью, непосредственно обусловленные фигурой Калашникова. Об этом к 1989 году в кулуарах шептали многие и Анипкин только публично назвал вещи своими именами – то, что побоялись сделать папины коллеги.

Первым официальным «звоночком» стала статья в газете «Правда» в 1986 году, спустя всего два года после избрания (точнее, назначения) В.И.Калашникова на должность первого секретаря Волгоградского обкома, – «Иллюзия ускорения». Статья была подготовлена и написана специальным корреспондентом этой газеты по Волгоградской области Валерием Степновым в соавторстве с Владимиром Сомовым. В статье критиковалась работа Калашникова, главным образом, по сельскому хозяйству. Мне захотелось узнать у самого автора статьи, как все было. По составленным вопросам Валерий Степнов дал подробное интервью, которое провела и записала его дочь, Анна Степнова, в Воронеже, в июне 2013 года.

Интервью Валерия Степнова

«Отправной момент – публикация в «Правде» «Иллюзия ускорения» 18 мая 1986 года. Лично я и мой коллега Владимир Сомов, которого прислали из редакции на помощь для подготовки этой статьи, – мы базировались только на данных областного статистического управления. Никакой политической подоплеки под эту статью мы не подводили. По крайней мере, мы с ним. Цифры были очень убедительные. В 11-ой пятилетке, по сравнению с 10-ой, и объем сельскохозяйственного производства в Волгоградской области упал на 18%. Вот это и было поводом для того, чтобы обратить внимание на положение дел в сельском хозяйстве и эффективность руководства сельским хозяйством обкомом партии. Правда уже после публикации этой статьи, спустя какое-то время, мне рассказывали, что, будто бы, эту статью Афанасьеву (главред. «Правды» – М.А.) заказал Лигачев (секретарь ЦК, член политбюро – М.А.) для того, чтобы тормознуть выдвижение Калашникова в ЦК и дальше, ну сначала секретарем ЦК, а потом в политбюро. Это было намерение Горбачева. Они оба работали в Ставропольском крайкоме партии, были дружны, и даже, как мне рассказывал коллега, вместе ходили на охоту. Ну на здоровье – пусть бы и ходили.

Мне в то время представлялось, что мы взяли абсолютно достоверные факты. Мы анализировали вот это увлечение Волгоградской областью этими гигантскими животноводческими комплексами, которые везде строили, в которые вбухивали огромные средства, но для будущих животных, которые тут должны были откармливаться, в области не было кормов. Те, которые вот были, и тех кормили прелой соломой, закупленной где-нибудь на стороне по осени. Не было своих кормов. Размахнулись с мелиорацией – колоссальные там были масштабы, – а от нее в заволжских районах началось засоление почв в связи с тем, что там солончаки и соляные пласты лежат не глубоко. Мало-мальски сведущие в сельском хозяйстве знают, что повышение солености почвы на 0,1 процента – это все. Поскольку вызывает снижение урожайности на 30%. То есть за три года пашню можно угробить совершенно. К чему дело и шло. В Среднеахтубинском районе, в Волго-Ахтубинской пойме, имея в виду, там мелиорация была сопряжена с заболачиванием. Некоторые озера удавалось осушить, вроде бы, – начинали пахать. Но, прежде чем там вырастали помидоры или капуста, там буйно разрастался тростник. Корни резали плугами, растаскивали по пашне, в общем, происходило такое непровольное расселение тростника.

В-третьих, вообще демонстрировалась показуха. В некоторых районах агрегаты смонтировали – это огромные такие поливальные установки, которые перегораживали поля, а воду к ним не подвели. Большую нелепость, конечно, придумать трудно. Восприятию человеческим разумом это не поддается. И, естественно, механизаторы, которым приходилось, чтобы вспахать поле, делать зигзаги, вокруг этих агрегатов, а потом и на комбайнах, чтобы убрать хлеб... Опять же зигзаги... Но тем не менее, когда интересовались в районах: «Ну чего вы наделали? – Ну чего мы наделали, нам приказали – мы поставили». А денег ни на трубы, ни на насосы у нас нет.

Иногда эта мелиорация принимала ну просто какие-то вот гротескные формы. Альберт Орлов, Альберт Николаевич, по-моему, не помню сейчас уже, будучи первым секретарем Среднеахтубинского района, показывал мне то, что я назвал «сообщающиеся сосуды». Это два соседних озера, из одного воду качали в другое, в надежде, что вот осушат, будет почва, пригодная для пахоты. И никому в голову не приходило, что вся Волго-Ахтубинская пойма лежит на подстилающих песках. Плодородный наносной слой в виде ила очень невелик. Дальше идет песочек чистенький. И все озера в Волго-Ахтубинской пойме – это, практически, сообщающиеся сосуды. И когда из одного сосуда усиленно качают воду в другой, соседний – сутками при-чём. Насосы были, проведена была специальная электролиния туда... Ничего вразумительного

на этот счет Орлов мне сказать не мог – только так вот говорил: «Надо, у нас политика. Вот надо, надо, у меня распоряжение...». И качал. Надо думать, за послушание, потом был назначен Калашниковым председателем облисполкома. Это вместо Шабунина – делового, энергичного, принципиального.

Что касается политики. Вот это уже после публикации «Иллюзии ускорения» с редакции «Правды» мне рассказывали, что Горбачев очень болезненно воспринял это выступление «Правды». Он кричал на Афанасьева (главреда – М.А.): «Че ты делаешь! Ты бьёшь по своим!». Афанасьев ему объяснял, что у него нет ни своих, ни чужих, что у нас есть формула целесообразности, принципиальности, что мы и делаем. Калашников тоже топал ногами и требовал от Афанасьева «немедленно убрать Степнова из Волгограда!». Ну вот просто немедленно. Ну Афанасьев был человеком принципиальным. Он сознавал свою общественную значимость. Это академик, это автор известнейших учебников по философии. Это человек с большим именем. И ему вот это визжание Калашникова не то, чтобы было как-то безразлично, но он не считал нужным его немедленно выполнять.

Что касается причин отставки Калашникова, версии, которые там выдвигают, типа что понижение в должности Шабунина, режиссура хозяйственной элиты, использование печатного органа ЦК КПСС с намеком на «Правду», что вот хозяйственные элиты использовали ее... Это домыслы. Это просто-напросто домыслы. Ни у кого из хозяйственной элиты Волгограда и выходов-то на «Правду» не было. И вообще – сначала была публикация, а потом понижение (Шабунина – М.А.). Кстати говоря, я сам предлагал Ивану Петровичу Шабунину выступить: «Давай подберем, – говорю, – тему хорошую, я тебе помогу ее подготовить и выступим в «Правде». Нам будет приятно поглядеть на реакцию Калашникова. Не хочешь – давай я выступлю, но опять же – с тем, чтобы ты был героем там». У нас были, кстати говоря, хорошие товарищеские отношения. И я не случайно говорю на «ты», мы с ним давно «на ты» перешли. Что, впрочем, нам не мешало часто спорить так, что сыпались искры, когда мы стучались лбами друг с другом, отстаивая позиции. Расходились, но встречались потом опять по-дружески, потому что каждый понимал, что вот точка зрения у человека есть. Она имеет свое право на жизнь. Ну, то есть, я очень уважал Шабунина. <...>.

Что касается меня. После той майской публикации меня продержали год взаперти. В смысле, в «Правде» ничего из моих материалов о Волгограде не печатали. Ни из сельского хозяйства, ни промышленности. И говорили: «Старик, ну понимаешь, не будем дразнить гусей. Давай не будем. Давай не будем...». А год спустя предложили на выбор: Ленинград или Воронеж – дескать, надо переезжать. «Ты с Калашниковым не сработаетесь. Он по-прежнему требует, чтобы тебя перевели. Мы знаем, что он даже к Горбачеву ходит с этой просьбой. Но Горбачев считает ниже своего достоинства заниматься каким-то корреспондентом и давать указания Афанасьеву». Я выбрал Воронеж, так как это была сельскохозяйственная зона, а я тяготел к сельскому хозяйству. И в августе 87-го года выехал в Воронеж. Но Волгоград я регулярно навещал. Встречался с друзьями.

И вот где-то в 1989-ом году мой добрый и старый друг Евгений Семенович Павловский, директор Института ВНИАЛМИ (Всесоюзный научно-исследовательский институт агро-лесо-мелиорации) показал мне совместное постановление обкома и облисполкома по реализации агро-лесо-мелиорации в Волгоградской области. Конечно, читал я его и с радостью, и с печалью, потому что к тому времени уже никто реализацией этого постановления не занимался. Накатывал 1990 год и мне было жалко, что так сразу разумно не поступил Калашников, когда приехал в 1984 году. Для реализации этой программы я не пожалел бы ни сил, ни времени. Но было уже поздно. Время ушло – я это понимал прекрасно – что никто ничего не делает. И еще было обидно, что во время нашей первой встречи с Калашниковым, когда я пришел ему представиться -кто я, что я – я ему рассказал об этой системе, подготовленной в институте. И мне было удивительно, что он мой рассказ воспринял ну с каким-то раздражением.

Это было довольно заметно. И вообще расценил как попытку журналиста учить его, первого секретаря обкома партии. Ну никакого желания учить его у меня, вот, честно говоря, не было. Я просто надеялся, что мы будем соратниками в реализации этого благого дела. Но не судьба! О последующих событиях я ничего сказать не могу, поскольку я в Волгограде не был ни непосредственным участником, ни даже не получал информации какой-то из первых рук. То есть, о последующих событиях ничего сказать не могу, да и, наверное, нет смысла».

Папа мне рассказывал, как после той статьи по настоянию Калашникова в область из «Правды» прислали двух московских корреспондентов, которые должны были написать другую – «хорошую» статью об успехах первого секретаря обкома в сельском хозяйстве. Папе Калашников поручил повозить их по хозяйствам, познакомить с председателями соответствующих колхозов и совхозов. И папа их возил как секретарь обкома по идеологии. Он мне рассказывал, что те корреспонденты из Москвы прекрасно понимали, зачем это все, о чем поделились тогда с отцом в доверительной беседе. Поэтому делали они свою работу без энтузиазма, «для галочки», как говорится. Поскольку понимали, что вся правда (извините за каламбур) была уже написана в той майской статье в «Правде», а от них требуется написать сказку. Не знаю, появилась ли та, «хорошая» статья. Мне кажется, что так и не появилась – я бы ее обязательно увидел.

Вот так первый секретарь обкома расправился с собкорром «Правды» по своей области за единственную критическую публикацию. Такая же нетерпимость к иному мнению проявлялась по отношению к коллегам – секретарям обкома, не говоря уже о чиновниках рангом ниже. Там это все приобретало параноидальные формы.

Ставший после Валерия Степнова собкорром правды по Волгоградской области Юрий Щербинин рассказал мне, что Владимир Ильич Калашников пытался и ему указывать, что публиковать, а что нет. В частности, Юрий Александрович вспоминал, как в 1989 году он написал критическую статью и отправил ее в «Правду». У собственного корреспондента «Правды» был свой телетайп в квартире, и он напрямую передавал и принимал материалы из Москвы. В один из дней утром Щербинину звонит Калашников: «Зайдите ко мне». «Захожу к нему в кабинет, – рассказывает Юрий Александрович, – смотрю – на столе лежат гранки моей статьи, которую я накануне отправил в редакцию “Правды”. “Откуда у вас эта статья?” – спрашиваю я. “Оттуда”, – усмехнулся первый секретарь. – Эта статья не будет опубликована!»

И все-таки она была опубликована, несмотря на мощнейшее давление Калашникова. Я спросил Щербинина, а не заказал ли ту его статью кто-то из ЦК? «Да ну что ты, Миша, – рассмеялся Юрий Александрович, – никто мне ничего не заказывал. Все было настолько очевидно, и я написал ту статью по собственной инициативе».

Поэтому «Волгоградская революция» января-марта 1990 года явилась вовсе не результатом «заговора» против Калашникова, как это пытаются представить некоторые бывшие помощники Владимира Ильича и один бывший волгоградский политик «из демократов» (об этом я подробно расскажу несколько позже). Не «заговором» Анипкина «с целью сесть в главное кресло области», а результатом работы самого первого секретаря обкома.

Поэтому придется разочаровать любителей теории заговоров. Владимир Ильич просто оказался не тем человеком, кто мог быть первым секретарем обкома в переломное время. Он не умел руководить людьми и принимать адекватные управленческие решения. Не умел быть политиком, что тогда особенно требовалось от человека на его должности. Попытки найти что-то другое – пустое.

В той «февральской революции» в Волгограде сошлись сразу три фактора. Во-первых, конечно, общее недовольство людей дефицитом, очередями и «привилегиями партаппарата». Во-вторых, накопившиеся претензии к Калашникову не только со стороны высшего слоя партийно-советской номенклатуры, но и ряда жителей Волгограда и области. Ну и самое глубинное – столкновение разных поколений партийных работников. Более молодое поколение, давно

имевшее право встать у руля в партии, получило возможность положить конец бесконечному правлению «пенсионеров» хотя бы в масштабах отдельно взятой области.

Калашников перевел папу из секретарей обкома первым секретарем Волгоградского городского комитета КПСС осенью 1988 года поскольку понял, что Анипкин представляет другое поколение партийных руководителей с иным способом мышления. Я уже приводил свидетельства, как папа и до перестройки пытался вести демократическую дискуссию внутри руководящих партийных структур на уровне обкома. Став руководителем Волгограда (а в то время первый секретарь горкома и был руководителем города), папа в полной мере раскрылся как демократически ориентированный и, не побоюсь этого слова, прогрессивный руководитель. Вот как он пишет об этом в своих воспоминаниях:

«Именно в ходе этих выборов (выборы в народные депутаты РСФСР – М.А.) я попробовал на практике осуществить то, о чем давно уже думал. Меня выдвинули кандидатом в депутаты России. Но ведь не просто меня, Александра Анипкина, а коммуниста, секретаря горкома. Значит, я должен и в своей предвыборной программе, и в своей деятельности отражать интересы той партии, которую представляю. Но какие именно цели преследует эта организация, на каких решениях будет настаивать в новом парламенте республики? Это всё было неясно, потому что партия-то у нас не была ориентирована на свободные выборы! И никак не хотелось ее идеологам перестраивать ее в партию парламентского типа. А без этого уже было нельзя. Вот я и решил, что, по крайней мере, в рамках своей партийной организации мы можем разработать предвыборную платформу, чтобы люди знали, с чем коммунисты идут на выборы, а тогда уже решали, доверять их кандидатам или нет. Я и обкому предложил так сделать, но поддержку получил опять от одного Катунина. Всем остальным это казалось нелепым.

И вот собрали мы в горкоме ученых, специалистов, разработали проект платформы, долго спорили, обсуждали везде, в печати опубликовали. Заодно выяснили, что же людей больше всего беспокоит на сегодняшний момент. Это было хорошее время, потому что не чувствовалось той постоянной грани, которая отделяла партийную организацию от беспартийных, больше того, мы тесно сотрудничали с другими политическими партиями, только появляющимися, с так называемыми неформалами. Собирались в горкоме, разговаривали, не соглашались, расходились, опять собирались, но были как-то вместе. Дело доходило до того, что представители новых партий и неформальных объединений, когда у них возникали трудности с помещениями, средствами, еще чем-нибудь, обращались за помощью в горком партии, хотя во всех своих предвыборных выступлениях ругали коммунистов нещадно. Но, видимо, не коммунистов, а ту самую партийную систему, из которой деятельность тогдашнего горкома сильно выбивалась. Я до сих пор считаю, по опыту этой предвыборной кампании, что были моменты, когда можно было попытаться решительно реформировать партию, были и люди хорошие, и идеи. Но – на местах. А система принятия решений была жестко централизована. И если нам удалось добиться относительной самостоятельности от обкома, то ценой больших усилий и в постоянной борьбе.

И еще в это время ввели мы телефон прямой связи, по которому любой житель Волгограда мог позвонить любому партийному руководителю города и обратиться со своими проблемами. Разные это были звонки. Бранили нас, конечно, настойчиво обращались по вопросам снабжения водой, теплом, жильем. Мы по каждому звонку что-то старались сделать. Но были и такие, кто искренне хотел помочь, давал советы, ободрял. Перестали отделяться от людей – и жизнь пошла быстрее.

После выдвижения меня кандидатом в народные депутаты России сразу же последовала из обкома команда в райкомы мою кандидатуру не поддерживать. История начала повторяться, но на сей раз в более жесткой форме, так как были немедленно выдвинуты альтернативные кан-

дидатуры из партаппарата—секретари обкома Хватов и Роньшин.¹⁷ Но время было уже другое, опыт выборов был уже у всех, начали активно выставлять кандидатов другие политические движения и организации, в конце концов по моему избирательному округу баллотировалось одиннадцать человек. И как бы все это кончилось – неизвестно, но тут мы действительно убедились, что время «верхушечных» решений прошло, решать стал народ. Я был избран народным депутатом РСФСР в нелегкой предвыборной борьбе после второго тура голосования».¹⁸

Я прекрасно помню то время. Сентябрь 1989 года. Папа инициирует большую дискуссию по выработке платформы Волгоградской партийной организации к выборам всех уровней – не только в народные депутаты РСФСР. У него не было политтехнологов, имиджмейкеров – тогда их ни у кого не было, но он сам прекрасно знал, что надо делать. Осталась запись его прямого телевизионного выступления по областному ТВ, где он подробно рассказывает о дискуссии по выработке той политической платформы.¹⁹ Я помню, с каким искренним удовольствием он занимался этой работой. Папу увлекала возможность сделать так, как он это видит, а он видел КПСС партией парламентского типа.

Номер газеты «Вечерний Волгоград» с информацией о пленуме Волгоградского горкома, на котором обсуждался итоговый проект Предвыборной платформы. 14 ноября 1989 года.

¹⁷ Папа имеет в виду историю с его выдвижением в народные депутаты СССР. Его выдвинул коллектив Волгоградского государственного университета, но под давлением ЦК («слишком жирно Волгоградской области иметь двух первых секретарей – обкома и горкома – народными депутатами СССР») папа был вынужден снять свою кандидатуру, о чем он также подробно пишет в своих воспоминаниях. Против его выдвижения тогда В.И. Калашников организовал целую кампанию в партийных комитетах города и области, а также в самом ЦК.

¹⁸ Анипкин А.М. Указ. соч. – С. 56-57.

¹⁹ <https://youtu.be/p7hxSSsD0YU>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.